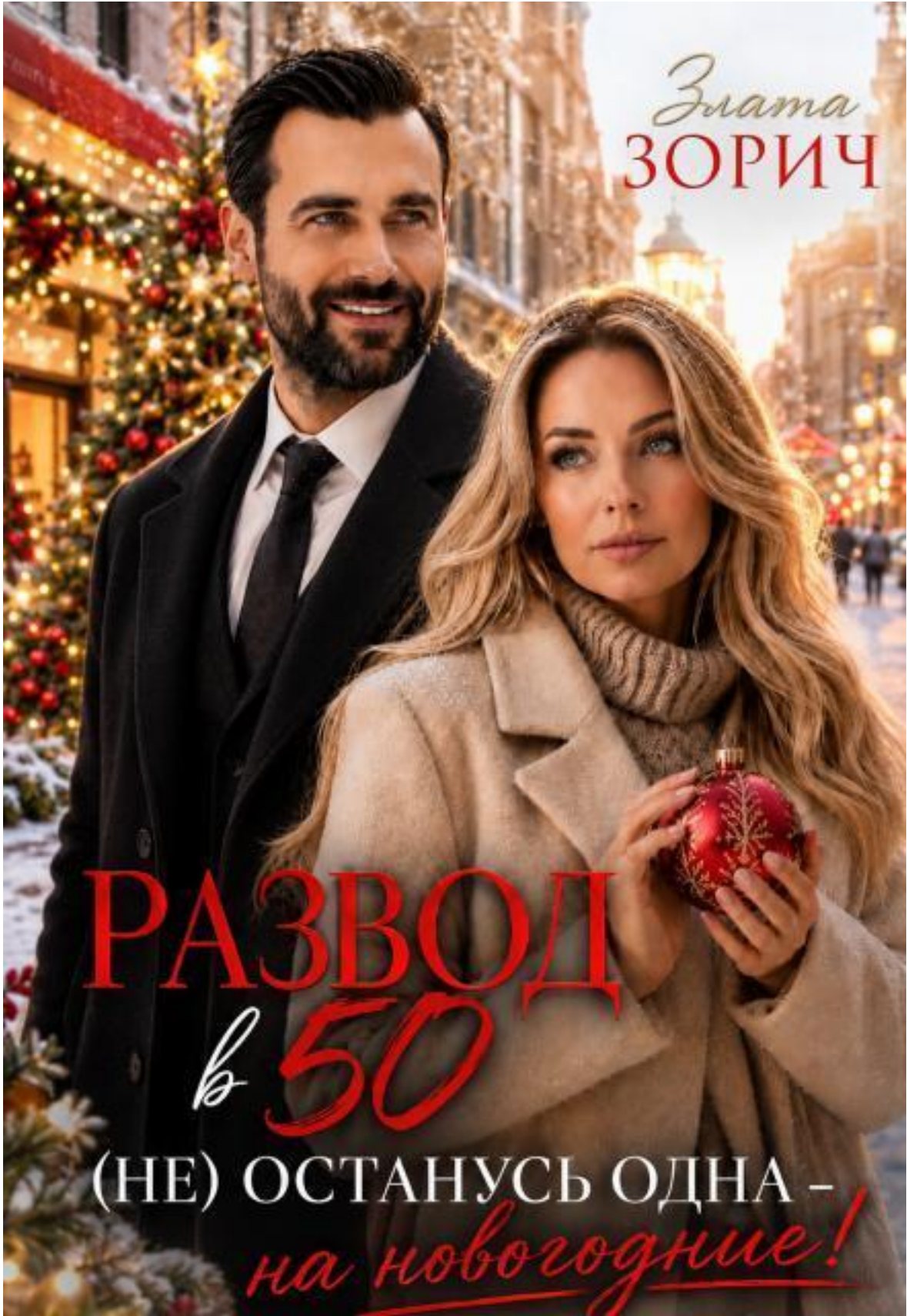

Злата
ЗОРИЧ

РАЗВОД
в 50

(НЕ) ОСТАНУСЬ ОДНА –
на новогодние!

Злата Зорич

Развод в 50. (не) останусь одна

«Литнет»

2025

Зорич З.

Развод в 50. (не) останусь одна / З. Зорич — «Литнет», 2025

— Старый ты козёл, Ковалёв. Ну спасибо, что хоть не на нашей кровати! Мне было пятьдесят лет, когда измена любимого мужа разрушила всю мою жизнь. Я не показывала, что мне больно, а сама выла в подушку по ночам. Но всё-таки настояла на разводе. А тут ещё травма, которая лишила меня возможности полноценно двигаться, добавила проблем. Мне часто нужна помощь, но помощи нет — муж с молодухой, у взрослых детей давно уже свои семьи, у подруг свои дела... Жизнь кончена? Как бы не так! Никаким проблемам меня не сломить. Останусь одна на новогодние — ну и что же? Тем более, что меня уже поджидает дорогой подарочек от судьбы на Новый год. Правда, приму я его далеко не сразу... ХЭ гарантирован для неунывающей героини!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	16
Глава 9	18
Глава 10	20
Глава 11	22
Глава 12	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1

— Старый ты козёл, Ковалёв, — сказала я, медленно качая головой. — Ну... спасибо, что хоть не на нашей кровати! Постелил на диванчике...

Я ещё раз оглядела всю композицию: смятое бельё, разобранный диванчик, голые пятки молодой сотрудницы банка. Та самая коллега мужа, чьё имя я слышала от него неоднократно, сейчас быстро натягивала на плечи свою строгую, офисную блузку.

А я смотрела блестящую от пота лысину моего копошащегося мужа и думала:

«Так вот почему он внезапно засобирался в Турцию на пересадку волос... Ради этой вот. Раньше ему эта лысина совершенно не мешала...»

Мой дорогой супруг всё ещё не до конца понимал, какая драма разразилась, потому что без очков был слеп, как крот. Он пыхтел и шарил рукой по подлокотнику.

— Где же они?.. Да подожди ты, сейчас...

И только когда он наконец надел дрожащими пальцами очки — он увидел меня. Женщину, с которой прожил в браке больше тридцати счастливых лет и вырастил двоих прекрасных детей и одну чудесную внучку.

Он застыл, замер. Открыл рот, но, кажется, даже перестал дышать. Лысина его багровела на глазах, стала практически пунцовой. На миг мне показалось, что беднягу хватит удар.

Пунцовый, вспотевший и совершенно жалкий, он забормотал что-то оправдательное.

— Оставь объяснения. У меня сегодня был чертовски хреновый день, так что давай не будем делать вид, что я не заметила очевидное, — я резко оборвала поток его бессвязного бреда. — Меня интересует только одно — почему, Андрей? Почему именно дома? У всех нормальных людей — гостиницы, съёмные квартиры, машины с тонировкой, в конце концов... Нет, надо было обязательно довести до того, что я, пробившись через гололёд, травмпункт и сломанный лифт, вернулась домой и увидела вот это!

— Ларочка... Дорогая... Я... — Андрей начал судорожно одеваться.

Я подняла свою замотанную руку, как жезл регулировщика дорожного движения:

— Ковалёв, я даже истерику устраивать не буду. Я слишком взрослая для этого. И слишком устала. Просто соберите всё, что вы тут понаразбрасывали, и освободите мне квартиру!

Глава 2

Я прикрыла дверь гостиной и, не глядя по сторонам, ушла на кухню. Нужно дать им время одеться. А мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Я добралась до табурета, села. Мне показалось, что я только что пробежала марафон, хотя я всего лишь прошаркала три метра от двери до кухни.

Я повернула голову к окну. Там лежал снег — белый, чистый, ровный. И почему-то я подумала: *вот бы сейчас просто выйти и идти, идти, идти, пока не кончатся улицы, дома, города, пока не останется только дорога и воздух.*

Но я теперь даже передвигаться нормально не могу... Подтянутое, тренированное тело превратилось в сгусток боли.

Сегодня утром я как обычно пошла на работу пешком, упрямо желая нашагать свои привычные десять тысяч шагов. Муж предлагал меня подвезти, но я упёрлась рогом.

А город превратился в каток. В смертоносную полосу препятствий — скользкую, как совесть моего мужа. Я мысленно хвалила себя за то, что не испугалась гололёда... как вдруг нелепо взмахнула руками, пытаюсь поймать равновесие — и не поймала.

Правая рука, на которую я приземлилась, хрустнула, бок обожгло. Лёжа плашмя на дороге, я почему-то думала не о самой себе, а о работе — о том, что сегодня я, наверное, опоздаю, впервые за много-много лет. Что придётся, наверное, взять больничный...

Ну уж нет, не на ту напали! Вот сейчас я немного отдохну, встану и... Ой-ей-ей.... При попытке подняться меня пронзила такая сильная боль, что я снова беспомощно растянулась.

Мужчины проходили мимо, спеша по своим делам, и мне помогла подняться добрая женщина — она же вызвала мне такси и затащила внутрь. Травмпункт встретил меня бесконечной очередью и бесконечными же историями о зимних травмах.

Мне сделали снимок, намазали, замотали и велели беречься. Я и сама мечтала только об одном — дойти до кровати и упасть в тёплое одеяло. Как минимум весь оставшийся день я собиралась провести в покое и тишине, но, к сожалению, дома меня ждал ещё один неприятный сюрприз...

На разобранном диванчике раскинулась картина, настолько банальная, что я бы плюнула в сценариста, если бы увидела подобное в кино. Но, оказалось, что реальная жизнь так любит штампованные сюжеты...

Мой муж Андрей. И с ним женщина, лет на пятнадцать меня моложе.

И всё это безобразие — на дорогом постельном белье цвета изысканной слоновой кости, которое я выбирала, гладила, берегла! И сейчас оно было безжалостно смято телами так, будто по нему прошли танки измены.

Как мне теперь жить дальше?

Я знала, что вот-вот снова увижу их — одетых, пристыженных — и должна буду что-то решить.

Хотя на самом деле решение уже случилось. Просто я ещё не осознала, насколько оно необратимо.

Я услышала какое-то копошение в коридоре. Ну вот. Сейчас появятся они — мой лысоватый банкир и его моложавая коллега.

“Карьеристка банковского сектора” первой выскользнула наружу. Не поднимая взгляда, она рванула к выходу из квартиры.

Когда за ней захлопнулась дверь, на кухню зашёл мой дражайший супруг.

— Что же она не попрощалась? — спросила я. — Как-то невежливо. А я ведь даже чаю не предложила.

Ковалёв стоял, красный как рак. Лысина блестела от пота. Он нерешительно кашлянул. Потёр переносицу. Попытался улыбнуться — получилась судорога.

— Лара... давай поговорим спокойно...

— Так я вроде и не кричу.

Он оглядел меня ещё раз и только сейчас заметил, что я вся перемотана бинтами как мумия.

— Ларочка... Что с тобой случилось? Я же просил тебя сегодня пешком не ходить!

А я подумала про себя, что, если бы не сегодняшнее падение, я так и ходила бы в дураках. Вернее, в дурах. Задевая рогами потолок...

Пока я раздумывала над этим, Ковалёв сел напротив и посмотрел на меня.

И это был не тот взгляд, который я ожидала увидеть. Не виноватый. Не стыдливый. Не испуганный.

— Лариса... — начал он тихо. — Пожалуйста, выслушай меня.

Я ожидала услышать набор банальностей. Что-то вроде «я ошибся», «это не то, что ты подумала», «это было первый и последний раз». «Прости меня», в конце концов. Это не значит, что я бы его простила, однако я *ожидала* это услышать.

Но то, что он сказал дальше, было хуже любой банальности.

— Я... Я, кажется, влюбился.

Он выпалил эту фразу и сразу же продолжил, торопясь, чтобы я не успела вставить ни слова:

— Понимаю, как это звучит. Смешно. Глупо, но... Это случилось. Понимаешь?

Он говорил взволнованно, с каким-то нежным дрожанием в голосе. Такого я не слышала за последние... двадцать девять лет.

— Я не хотел, чтобы так вышло, — он нервно сжал руки. — Я долго думал, что это просто... увлечение. Ошибка. Но это... чувство. Я ложусь спать и думаю о ней. Я... счастлив. Как дурак. Как подросток.

Я повернула голову, чтобы он не увидел, как у меня дрогнули губы.

А он продолжал говорить, не замечая, как меня корёжит:

— Я знаю, что виноват. Знаю. Но... я хочу быть с ней. Я правда хочу этого. Это не интрижка, не что-то мимолётное. Это любовь.

И тут он сделал самое ужасное, что только мог. Он посмотрел на меня с... жалостью. С осторожной теплотой, будто всё ещё боялся меня ранить... Хотя ранил меня уже на уровне ампутации.

— Прости, Лара...

Глава 3

— Старый дурак, — презрительно бросила я. Потому что ну что ещё можно сказать человеку, который сообщает тебе о своём счастье, в котором для тебя не нашлось места?

Я вообще не понимала, как мне удаётся сидеть прямо, и ничем не выдать того, что внутри меня всё трещит, ломается, рассыпается по швам.

— Ну почему же старый? — произнёс муж, поправляя рубашку и как-то даже расправляясь плечами. — Я ещё молод. И очень даже ничего...

И я поняла, что больше не могу сидеть и слушать, как он рассказывает мне о своей новой, прекрасной жизни. Бессовестный...

— А мне ты... Мне-то ты это зачем всё рассказываешь?

— Потому что я не могу тебе врать, Лара. Ты мой самый важный, самый близкий на свете человек, — он чуть наклонился вперёд, словно собирался меня приобнять и утешить. — Кому как не тебе можно выложить всё, как на духу? Ты же... Ты мне как родственник!

Слово «родственник» хлестнуло по щекам. Как пощёчина, от которой остался след, горячий и унижительный.

Не женщина. Не любимая. Родственник! Человек, с которым делят холодильник, счета и воспоминания — но не сердце.

— Родственник... — повторила я, глядя на свои руки, чтобы не смотреть на него.

Он, конечно, не понял, что сказал что-то не так. С его стороны, это вроде как был комплимент. Он улыбнулся даже — благодарно, по-доброму, как будто я поддержала его, одобрила весь этот спектакль с его второй молодостью.

Конец нашего брака оказался не громким и драматичным, а до обидного будничным.

И, наверное, от этого было больнее всего.

— Раз так... — я кивнула в сторону двери, за которой исчезла его муза. — Тебе пора собирать вещи.

— Ларочка... но ты...

— Я всё поняла, хватит, — отрезала я. — Я не собираюсь выслушивать твои сопли. Хватит с меня твоей... подростковой романтики. Просто собирай вещи и уходи. Не забудь взять тонометр, таблетки от давления и лосьон для головы, чтобы окончательно не облысеть. Надо втирать каждый день, помнишь?

— Лариса, но как же...?

— Ты же смог организовать *весь этот цирк*? Вот и организуй себе выход.

Он замолчал. Я же поднялась осторожно, держась за стол — рука снова кольнула болью.

— Я дам тебе большие пакеты для мусора — туда сложишь всё, что тебе нужно.

— Дорогая, но ты же болеешь, — Андрей с тревогой посмотрел на замотанное бинтами плечо. — Тебе нужна помощь. Как ты будешь без меня? Давай я пока останусь, буду за тобой ухаживать...

— Ещё одно слово, Ковалёв, и тебе самому понадобится помощь, — процедила я сквозь зубы. — Клянусь! Я и так сдерживаю себя из последних сил.

И пошаркала в сторону спальни, чтобы начать собирать его вещи. Он что, думает, что я беспомощная? Не на ту напал!

Андрей бесконечно долго собирал свои пожитки. Целых два дня! Он никогда не отличался расторопностью, а с возрастом вообще стал ужасно медлительным. Он делал это молча, пряча виноватые глаза.

Я же не могла спокойно за этим наблюдать и активно участвовала в сборах. Всё что осталось у нас после тридцати лет совместной жизни безжалостно перекочевывало в пакеты и чемо-

даны. Без сожалений. Без ненависти. Просто с холодным пониманием: всё, что мы строили вместе, рухнуло.

Потом была моя первая одинокая ночь, за которую я ни разу не сомкнула глаз. Я сидела на кухне, смотрела в окно, за которым падал снег, и думала, что, наверное, должна выплакать всё, что комом встало в горле, но заплакать мне так и не удалось.

На следующий день я подала на развод.

Глава 4

Об условиях развода мы договорились быстро — поделили общее пополам согласно букве закона.

У нас была четырёхкомнатная квартира — я помнила, как мы таскали туда нашу первую мебель, как красили стены, как двое малышей гонялись друг за другом по коридору. Но после того, как малыши выросли и вылетели из гнезда, эта квартира стала казаться слишком просторной даже для нас двоих. А уж для меня одной она стала бы огромным музеем нашего общего прошлого. С ней нужно было прощаться...

Мы продали наше семейное гнёздышко молодожёнам. Андрей купил себе двушку поближе к работе, в которой поселился со своей новой мадам, а я выбрала уютную однушку недалеко от центра. Новостройка, которую нужно было обживать с нуля. Впервые я могла выбрать всё сама, не считаясь ни с кем. И в этом тоже была особая боль.

Потому что я понимала: теперь так будет всегда. Я навсегда останусь одинокой. Больше никто не подвезет до дома после работы, не нальет мне, уставшей, чай.

На сдачу после всех разменов я купила себе машину. И не какую-то «дамскую», компактную. Нет! Я взяла большой чёрный автомобиль — чтобы хоть как-то компенсировать свою собственную временную хрупкость, которую я ненавидела. Впервые за тот год я ощутила хоть что-то похожее на контроль. Машина слушалась, поворачивала, ехала туда, куда хочу я, а не куда жизнь занесет. И это давало мне сил дожить до вечера.

Но вечерами было хуже всего. Я приезжала в свою одинокую квартиру — и первым делом шла к шкафу, где лежали сладости. Я понимала, что заедаю тревогу, пустоту, страх, вот это тупое ощущение «что со мной будет дальше», и всё равно продолжала. Шоколад действовал как выключатель для мыслей, а мне иногда хотелось перестать так много думать хотя бы на час.

Надо было учиться жить дальше, а я... Я просто не знала как. Всю жизнь для меня самым важным была моя семья, а теперь... Сначала дети выросли, а потом муж... неожиданно впал в детство.

Подруги часто звонили мне, пытались вытащить, чтобы развеяться — но я отказывалась. Не могла признаться им в том, что разваливаюсь на части в самом прямом смысле этого слова.

Потому что мой эпический полёт на льду оказался не просто ушибом, как предполагал дежурный врач. На фоне развода, переезда и бумажной волокиты мне было некогда заниматься собственным здоровьем. А когда я дошла, наконец, до нормального обследования, оказалось, что-то у меня был трещинный перелом.

А вот нога... с ней была какая-то странная история. Очередной врач в очередной раз уверял меня, что «не видит ничего серьёзного», но нога как будто постепенно отключалась. Анализы — нормальные. Снимки — нормальные. А я сама — нет. Моё тело вдруг перестало мне подчиняться.

Я набрала вес, стала прогуливать косметолога, даже волосы перестала подкрашивать. Я смотрела на себя в зеркало и думала: надо взять себя в руки. И сразу же понимала, что не могу. Я физически не могу заставить ногу пройти лишние двести метров. Не могу пойти в зал, где люди прыгают под музыку, потому что мне больно просто подняться по лестнице.

Работа становилась единственным местом, где я всё ещё оставалась собой — или хотя бы кем-то похожим. Но потом... Отработала, села в свою громоздкую чёрную машину, отстояла пробки, доехала, открыла дверь, включила сериал, достала сладкое — и так день за днём.

Я чувствовала, что теряю себя, но была слишком вымотана, чтобы остановиться и хотя бы попытаться спастись.

Если быть совсем честной, в тот момент я просто выживала.

Глава 5

К Новому году все внезапно активизировались и начали за меня волноваться.

По очереди позвонили три ближайшие подруги. Все начинали примерно одинаково — бодро, заботливо, с этой особенной интонацией людей, которые очень стараются быть деликатными.

— Лар, слушай, а давай отметим, как в старые-добрые, а? Числа двадцать девятого, например. Нарядимся, накрасимся, потанцуем, как раньше.

— Идея хорошая, — отвечала я. — Давай в другой раз...

Мне не хотелось наряжаться. Не хотелось танцевать. Я не была в ресурсе для праздника по расписанию.

Они вздыхали немного и тут же начинали рассказывать, кто что купил, у кого какие планы. Я слушала и кивала, подбывая шоколадное печенье и глядя одним глазком на телевизор. В последнее время я серьёзно под села на сериалы. Не потому, что это было интересно — скорее потому, что чужие проблемы отвлекали меня от собственных. Очень удобно: пока они выясняют отношения, ты можешь просто сидеть, жевать печенье и совершенно ни о чём не думать.

В какой-то момент я решила, что, возможно, именно так и будет выглядеть мой Новый год — в обнимку с телевизором, который разговаривает вместо людей.

— Лар, ну если вдруг передумаешь... — говорили подруги. — Мы будем рады. И это... Ты приходи к нам в гости на Новый год. Будем вместе отмечать. Вместе всё-таки веселей...

Но я физически не могла заставить себя пойти туда, где когда-то мы были вдвоём с Ковалёвым. В те же самые квартиры, за те же самые столы, где я ещё совсем недавно сидела в статусе «счастливой жены», а теперь должна буду прийти в статусе «несчастной брошенки».

Я представляла, как буду ловить на себе сочувственные взгляды. Кто-то обязательно скажет: «Ну как ты там, держись?» Или найдётся кто-нибудь особенно тактичный, кто прошепчет: «Да как он мог? А у него с ней всё серьёзно?» — будто я обязана быть в курсе его новой жизни.

Я не хотела отвечать ни на один из этих вопросов.

Я бы с удовольствием провела этот Новый год с внучкой. Разбирать новые игрушки, клеить снежинки, слушать детский смех — всё то, ради чего вообще существуют праздники. Но и тут жизнь решила меня не щадить.

В октябре сыну предложили перспективную работу. И в ноябре он, уложив чемоданы, уехал в другой город вместе с семьёй. Дочь с мужем ещё за год до этого запланировали отпуск на Новый год на берегу океана.

Не будет у меня ни шумного стола, ни детского смеха, ни привычного ощущения, что праздник — это когда все вместе. Только я, пустая квартира и телевизор. Ну и шоколадные печеньки.

Телефон зазвонил рано утром, когда я варила кофе на кухне.

— Лар, привет, — начал мой бывший муж деловым тоном. — Я тут... ну... в общем... Хотел узнать, как ты.

— Отлично, — ответила я. — Лучше всех.

— Я серьёзно... Просто... скоро Новый год. Я подумал... тебе, наверное, непросто там одной...

— Не переживай. Я жива, здорова... насколько это возможно. Мир не рухнул из-за твоего адюльтера, не надейся.

— Ну... — он вздохнул. — Я рад. Правда. Ты это, звони, если что...

— Обязательно, — ответила я и собиралась положить трубку, но Андрей не унимался:

— Я хотел спросить, может, тебе что-то нужно? Помощь какая-то? С машиной, с покупками... мало ли. Привезти, увезти, купить... Если вдруг что — сразу звони. Мы же не чужие друг другу люди...

«Не чужие» — это звучало почти как «родственники», только на новый лад.

Я уже собиралась закончить пустой разговор, потому что бывший муж стал невыносимо сильно меня раздражать, когда он вдруг выпалил:

— Лар... Тут ещё... один моментик.

И по интонации я сразу поняла: сейчас будет что-то лишнее. То, что можно было бы и не говорить. Но он скажет. Потому что ему нужно сказать. Облегчить свою совесть?

— Слушаю.

Он глубоко вздохнул. Прямо слышно было, как собирается.

— Мы с Мариной... — он снова запнулся. — В общем... мы ждём ребёнка.

— Поздравляю, — сказала я автоматически. Так, как говорят на работе, когда коллега сообщает о чём-то личном, но ты не совсем понимаешь, зачем тебе это знать.

Он выдохнул — явно с облегчением.

— Спасибо. Я... я просто хотел, чтобы ты узнала об этом от меня. Не от наших знакомых или родственников...

— С наступающим, — сказала я и отключилась.

Глава 6

После этого звонка мне понадобилось время, чтобы понять, что именно меня так задело.

Наверное, дело было в том, что впервые мне стало отчётливо, почти физически ясно, насколько короток этот самый наш бабий век. А ведь Андрей даже старше меня! И при этом он может начать всё сначала, завести новую семью и даже ребёнка, может снова играть в молодого отца. А я — уже нет.

При этом мне всё это совершенно не нужно, но сам факт!

Мне искренне не хотелось бы быть на его месте. Всему своё время.

Мне дважды посчастливилось пройти этот путь — стать матерью. Я хорошо помнила, какого это. Я наслаждалась материнством сполна — насколько вообще можно наслаждаться чем-то настолько выматывающим и одновременно бесконечно важным.

Но сейчас я совершенно точно хочу другого.

Не потому, что в пятьдесят жизнь заканчивается — на мой взгляд всё совершенно наоборот. Она перестаёт быть гонкой и начинает снова принадлежать только одной тебе и твоему любимому человеку. Ты можешь наслаждаться свободой, не обременённой маленькими детьми. Наслаждаться зрелыми отношениями, где не надо никому ничего доказывать.

Просто быть рядом, ездить в путешествия и короткие поездки на машине.

И я вдруг вспомнила, как сильно Андрей мечтал съездить на Байкал. Но мы всё время откладывали поездку. Некогда, не до этого, с маленькими детьми лучше съездить на море. Потом вроде стало можно — и оказалось, что уже поздно для «нас».

А ведь мы с ним могли вместе жить эту замечательную свободную жизнью — без погони за призраками молодости, которую всё равно не вернуть.

Но он выбрал начать всё сначала. Так что впереди у Ковалёва весёлые времена...

Я не злорадствовала — нет. Скорее рассуждала спокойно, почти философски. Как человек, который знает, что за красивыми словами всегда стоит очень конкретная реальность. Подгузники, недосып, ответственность...

С этими мыслями я, кряхтя и придерживаясь за перила, выбралась во двор. Уже пора было выдвигаться на работу, кроме того, хотелось проветрить голову от новостей.

Солнце ещё не взошло, но во дворе было светло от навалившегося за ночь снега.

Я посмотрела туда, где вчера оставила машину, и вздохнула. Моей машины там не было. Вернее, она была — где-то там, под приличным сугробом. Виднелся только край зеркала и кусочек чёрной двери. Остальное щедро и безжалостно завалило.

Стало ясно как день — самой мне её не выкопать.

Но понимание — это одно, а привычка всё делать самой — совсем другое.

Я всё достала из багажника лопатку и осторожно начала откидывать снег. Он был тяжёлый, влажный, липкий. Он не хотел поддаваться и валился обратно, словно издеваясь надо мной.

Минут через пять я выдохлась. Раньше я ходила в зал и гордилась своей выносливостью, но теперь... После нескольких движений лопатой рука заболела сильнее, нога отозвалась тупым прострелом, и я почувствовала, как под пуховиком выступил пот.

Я вытерла лоб рукавом, задыхаясь от собственной раздражающей беспомощности.

И заметила движение краем глаза. Чуть поодаль кто-то тоже копался в снегу. Фигура ритмично и бодро работала лопатой. Наверное, это дворник, и, возможно, он сможет мне помочь.

Я огляделась — поблизости больше никого не было, залезла в карман и нащупала купюры. Придётся всё-таки попросить помощи, но как же я это не люблю... С другой стороны, я же предложу ему деньги, значит, никакая это не помощь, а равноценный обмен.

Я сделала несколько шагов в его сторону.

Глава 7

— Эй вы... Извините... Можете помочь откопать мне машину?

Он перестал копать и обернулся.

И вот тут я на секунду зависла.

Потому что дворник оказался... довольно высоким. Широкие плечи, уверенная осанка. Совсем не тот образ, который сложился у меня в голове за эти несколько секунд. Я почему-то ожидала увидеть пожилого, сутулого мужичка в ушанке, а увидела внезапно очень привлекательного мужчину.

И, как водится, я решила спрятать свою растерянность.

— Ну что же вы стоите, — сказала я нарочито деловым тоном. — Поможете мне или нет? Одной тут не справиться!

— Конечно, — он быстро окинул меня взглядом и согласился так легко, будто я попросила о незначительном одолжении, а не о тяжелой физической работе.

Он подошёл к моей машине, окинул сугроб таким же быстрым взглядом, как и меня несколько секунд назад — профессиональным, оценивающим — и без лишних слов взялся за дело. Снег летел во все стороны, сугроб уменьшался на глазах.

Пока он работал, я украдкой разглядывала его — и чем дольше смотрела, тем больше у меня возникало сомнений. Куртка на нём была явно дорогой, не из тех, что выдают коммунальным службам. Хотя... Кто их знает, может уже и такое выдают...

Через несколько минут моя машина уже была вполне узнаваемой, а ещё через пару — я могла спокойно открыть дверь и сесть за руль.

— Вроде бы всё, — сказал он, вытирая со лба пот. — Готово!

И я, немного поколебавшись, всё-таки протянула ему смятую купюру — теперь уже скорее по инерции, чем из уверенности, что всё делаю правильно.

— Спасибо, что помогли...

Он посмотрел сначала на деньги, потом на меня. И вдруг улыбнулся. Широко, открыто. Улыбка у него вышла совершенно очаровательная.

— Оставьте себе, — сказал он.

— Нет, возьмите, — настаивала я. — Вы меня очень выручили.

— Правда, не нужно.

— Ну как это не нужно! Вы мне целую машину выкопали. Возьмите. Со всем уважением к вашей работе... Работа у вас общественно полезная!

— У меня? — искренне удивился он. — А вы откуда знаете?

— А вы разве не дворник?

— Сегодня похоже, что да...

— В смысле — сегодня?

— Ну, — он кивнул в сторону лопаты, — я же расчищаю тут снег. Значит, выполняю его функции.

И тут до меня наконец дошло окончательно. Я подняла на него глаза и уже тише, почти смущённо добавила:

— А я-то думала...

Он рассмеялся уже открыто.

— Это многое объясняет... Тогда давайте так, — предложил он, всё ещё улыбаясь. — Лучше угостите меня кофе. Вместо денег... Идёт?

Я замерла с купюрой в руке. Не сразу нашла, что ответить. Потому что к такому повороту я совершенно точно не была готова.

— Так, а кто вы тогда такой? — спросила я растерянно. — Если не дворник...

— Ну если вы живёте в этом доме, значит, я ваш новый сосед.

— С каких это пор?

— С недавних.

Я вздохнула.

— Тогда тем более возьмите деньги.

— Не возьму, — твёрдо сказал он. — Оплата принимается только натурой...

— Упрямый.

— Есть такое.

— Тогда вообще останетесь без вознаграждения, сосед...

Я села в машину, закрыла дверь, завела двигатель.

Почему я его сразу не разглядела? Как вообще можно было перепутать его с дворником?

Мне даже пришла в голову дурацкая мысль — неужели и мне пора бежать за очками, как моему бывшему мужу? Неужели зрение тоже сдало вслед за всем остальным? Я почти усмехнулась этой мысли — вот ещё один пунктик в списке возрастных «радостей».

Но потом стало ясно.

В глазах у меня действительно всё расплывалось. Но не от близорукости — от слёз. Я ведь вышла из дома с тяжёлой головой и пустотой внутри.

Я смотрела — и не видела. Потому что в тот момент мне было не до деталей.

Глава 8

К мясокомбинату я подъехала уже в привычном рабочем состоянии — с лицом женщины, у которой всё под контролем. Это лицо я надевала автоматически, как каску на стройке. Припарковалась, вышла из машины. Нога снова напомнила о себе, но я привычно отмахнулась — сейчас мне не до этого. На работе я никогда не хромаю. Нельзя!

Едва я вошла в здание и сняла пальто, как ко мне подлетела Светочка из приёмной. Глаза у неё были круглые и очень испуганные.

— Лариса Викторовна... — начала она с таким выражением лица, что мне сразу стало понятно: сейчас будет что-то «приятное».

— Давай сразу, — сказала я. — Без прелюдий. Кто умер, что сломалось или кто не приехал?

— Наоборот. Приехал... К нам приехали... — она понизила голос, — из консалтингового агентства.

Я остановилась как вкопанная. На последнем совещании владелец говорил мне о планах привлечь консалтинг, но я не думала, что это случится так скоро. Прямо накануне Нового года!

— Они собираются аудит проводить. И оптимизацию. Приехали из Москвы...

Всё понятно. Это особая категория людей, уверенных, что, если нарисовать правильную стрелочку в презентации, завод начнёт зарабатывать в два раза больше. Сейчас нам будут рассказывать, что все эти годы мы работали неправильно...

— Они... уже здесь. В переговорной.

— Конечно, — кивнула я. — А куда им ещё деваться.

Я открыла дверь переговорной. Двое мужчин уже заседали в ней. Стильные костюмы, умные лица, уверенные улыбки людей, которые уже всё про нас поняли, просто ещё не рассказали.

Возникло чёткое ощущение, что сейчас начнут считать не только цифры, но и мои грехи.

— Лариса Викторовна, — встали они почти синхронно. — Доброе утро.

— Доброе, — ответила я и подумала, что сегодняшнее утро можно обозвать каким угодно, но точно не добрым. Сначала новость от бывшего. Потом дворник, который оказался соседом. Теперь — консалтинговое агентство, которое будет учить меня увеличивать прибыль на предприятии, на котором я работаю не первый десяток лет.

Мы обменялись рукопожатиями. Я села во главе стола, выпрямилась и сложила руки. Что бы ни происходило в моей личной жизни — разводы, травмы, одиночество — здесь, на работе, я всё ещё была собой. Женщиной, которую так просто не выбить из колеи. Даже если очень постараться.

— Мы приехали, чтобы посмотреть на ваши процессы, — начал один из них, — и предложить варианты оптимизации.

— Понимаю. И с чего хотите начать?

Один из мужчин кашлянул и переглянулся с коллегой.

— Нам нужно подождать нашего руководителя. Он немного задерживается. Его... — мужчина замаялся, подбирая формулировку, — замело снегом.

— Хорошо, — я кивнула. — Тогда ждём.

Ожидание всегда нервировало меня больше, чем любой разговор. Когда ты готов, собран, настроен — и вдруг пауза. Подвешенное состояние.

Наконец дверь переговорной распахнулась.

— Извините, — услышала я знакомый голос, — задержался немного!

Я подняла глаза.

И у меня внутри что-то съехало с привычных рельс.

В переговорку вошёл он. Мой утренний «дворник». С тем же спокойным, чуть ироничным выражением лица. С волосами, на которых ещё не до конца растаял пушистый снег.

Тот самый человек с лопатой, которому я протягивала купюру.

— Доброе утро, коллеги, — сказал он и посмотрел... прямо на меня.

На секунду — ровно на секунду — в его глазах мелькнуло узнавание. И лёгкое удивление. И что-то очень похожее на улыбку, которую он тут же спрятал.

— Позвольте вам представить, — оживился один из консультантов, — это Тимур Сергеевич, руководитель нашего консалтингового агентства.

Я не могла пошевелиться. В голове было пусто — редкое, почти забытое состояние. Ни мыслей, ни готовых реакций, ни привычных внутренних комментариев. Только одно ощущение: *этого не может быть*.

Но это был он, без всяких сомнений.

Я вдруг вспомнила ту свою покровительственную интонацию, с которой я к нему обращалась во дворе. Хотелось провалиться сквозь пол, сразу на минус первый этаж, туда, где хранятся архивы.

А он смотрел на меня и улыбался. Той самой улыбкой. Ослепительной, живой.

— Лариса Викторовна, — сказал он и протянул мне руку. — Я много слышал про вас. Про вашу работу... Рад познакомиться с вами лично.

Глава 9

Я кивнула и крепко пожала протянутую мне руку. Кажется, даже сказала что-то подчёркнуто официальное в ответ.

С его появлением напряжение никуда не делось. Напротив, оно стало даже более плотным.

— Надеюсь, коллеги уже немного ввели вас в курс, — сказал Тимур Сергеевич, открывая ноутбук. — Мы посмотрим на ваши процессы. Всё просто...

Просто — ага, как же! Как будто я не знаю, чем обычно заканчиваются такие визиты.

Тот обаятельный, улыбчивый мужчина, который помог мне сегодня утром, исчез, будто его и не было. Он изменился. Будто щёлкнул внутренний тумблер.

Передо мной сидел совсем другой человек. Собранный, холодный. Даже улыбка стала другой — хищной, дерзкой.

— Не будем тратить ни моё, ни ваше время. Я коротко...

И за этим «коротко» последовал самый длинный и самый болезненный разговор за последние месяцы.

— За последний год у вас сильно просели все показатели, — сказал он и посмотрел уже не на меня, а сквозь меня.

— У нас был сложный период, — согласилась я и тут же возразила: — Но не только у нас. Везде сейчас кризис!

— Ну нас сейчас интересует не то, что происходит везде, а конкретный бизнес, — отрезал он.

На экране появились графики. Красные линии. И все нисходящие...

— Себестоимость выросла, — продолжал он. — Производительность — нет. Штат раздут. Фонд оплаты труда превышает все разумные пределы.

— Вы предлагаете сокращения?

— Я предлагаю выживание, — спокойно поправил он. — Если ничего не измениться, очень скоро вы будете вынуждены закрывать цеха. И тогда без работы останется ещё больше людей.

— Люди здесь десятилетиями работают. Мы — как семья.

— Вот это и есть ваша проблема, — перебил меня Тимур.

Я вспыхнула.

— Простите? Но для меня каждое увольнение — ножом по сердцу.

— А для бизнеса, — перебил он, — это шанс выжить.

— Легко рассуждать, когда приезжаешь со стороны! Провёл аудит, написал отчёт и уехал обратно в свою Москву. А мне потом людям в глаза смотреть...

— Вы думаете, я этого не понимаю?

Он начал говорить. Цифры сыпались на меня одна за другой, как удары. Выручка. Издержки. Фонд оплаты труда. Падение маржи. Снижение производительности.

Я всё это знала. Знала давно. Просто до последнего отводила взгляд.

А он взял и ткнул меня носом.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. И яростно включилась в спор — спрашивала, вёдливо уточняла, возражала. В общем, отбивалась, как могла. Консультанты заметно напряглись — видимо, ожидали более покладистого принимающего. Тимур же, наоборот, оживился. Я это чувствовала по тому, как он чуть подавался вперёд, как задавал вопросы, как ловил мои реплики.

А я смотрела на него и думала: кто ты вообще такой? Молодой наглец. Приехал из своей Москвы, с презентациями, графиками, умным видом. Сколько тебе вообще лет? С чего ты

взял, что можешь учить управлять предприятием меня, человека, который жизнь прожил на этом производстве? Ты вообще знаешь, что такое ответственность не за отчёт, а за живых людей?

Мы буквально схлестнулись. Это уже не было совещанием. Это был поединок. Два взгляда. Две правды. Два упрямства.

— Кризис требует тяжёлых решений, — сказал он в конце. — Вы либо сокращаете сейчас, либо потом рынок сделает это за вас. Только уже без выбора.

Повисла тишина. Тяжёлая. Звонящая. Такая, от которой хочется встать и уйти, лишь бы не слышать собственных мыслей.

— Мы хотели бы осмотреть производственные помещения, — напомнил он. — Если вы, конечно, не против.

Я кивнула, даже не глядя на него.

Мне хотелось только одного — выйти. Сбежать. Закрыть за собой дверь. Перевести дыхание.

Я вышла из переговорной и почти физически почувствовала облегчение, но не успела сделать и нескольких шагов, как услышала за спиной:

— Лариса Викторовна, подождите...

Я остановилась.

Он догнал меня в коридоре. Это безжалостное выражения лица, от которого у меня мороз бежал по коже, сменилось на улыбку.

— Вы всё ещё должны мне кофе, — сказал он тепло. — Может, на обеде?

— Вы ошибаетесь, — сказала я холодно. — Я вам ничего не должна!

Он хотел что-то ответить, но я уже развернулась и пошла прочь, чувствуя, как внутри всё рассыпается на части.

Глава 10

Я зашла в свой кабинет, закрыла за собой дверь и рухнула в кресло. Не села — а именно рухнула, будто ноги вдруг отказались держать. Потом положила локти на стол и спрятала лицо в ладонях.

И снова вернулась мыслями в переговорную.

Его голос — спокойный, ровный, бархатный. Произносит фразы, которые режут меня по живому. Цифры, от которых хотелось зажмуриться. Слова, которые я столько месяцев обходила стороной, как больной зуб, надеясь, что как-нибудь само пройдёт.

А оно не прошло.

«Вы путаете управление бизнесом с жалостью».

Я закрыла глаза. Эта фраза ударила сильнее всех остальных. Потому что была слишком близка к правде.

Я откинулась на спинку кресла и уставилась в потолок. Хотелось плакать, но слёзы не шли. Была только усталость. Та самая, которая возникает от сильнейшего внутреннего сопротивления.

Столько месяцев я жила, делая вид, что всё ещё контролирую ситуацию! Что всё наладится. Что рынок развернётся. А он приехал — и за один час разрушил эту удобную иллюзию.

Хуже всего было то, что он, к сожалению, абсолютно прав, и с этим ничего уже не поделаешь.

В дверь тихо постучали, и, не дожидаясь ответа, ко мне заглянула Света. Я знала этот взгляд. Им обычно смотрят, когда уже всё поняли, но всё ещё надеются, что ошиблись.

— Ну что... — начала она осторожно. — Всё действительно настолько плохо?

И я вдруг поняла, что у меня нет ни сил, ни желания врать. Ни ей, ни себе. Все эти «пока рано говорить», «давайте не будем паниковать», «это рабочие моменты» — закончились. Там, в переговорной, их выбили из меня, как пыль из старого ковра.

Я кивнула.

— Да, Свет. Плохо.

— Сокращения?... — спросила она почти шёпотом, хотя в кабинете кроме нас никого не было.

— Да, — сказала я и услышала, как сухо и чуждо это прозвучало. — Грядут сокращения.

Она замолчала. Потом вскинула на меня глаза — живые, тревожные, слишком человеческие для всей этой корпоративной чепухи.

— Только... — она запнулась, подбирая слова. — Только бы не под Новый год. Ну правда... Людей под праздники без работы оставить. У кого дети, у кого кредиты... Ну нельзя же так.

— Я понимаю, — ответила я тихо. — Правда понимаю.

Но понимание больше ничего не решает. Где-то там сидят люди, которым всё это неважно. Для которых «под Новый год» — просто дата в календаре. А «людей оставить без работы» — строка в отчёте с пометкой «оптимизация».

И если это поможет сэкономить ещё одну копейку, ещё один процент, ещё один красивый показатель — они пойдут на это. Не задумываясь.

Света смотрела на меня с плохо скрываемой надеждой, будто ожидала, что я сейчас скажу: «Нет, не волнуйся, я этого не допущу». А я вдруг с ужасом поняла, что не уверена, что смогу это обещать.

— Я постараюсь, — сказала я наконец. — Но... я не могу сейчас ничего гарантировать.

Она кивнула и уже взялась за ручку двери, но вдруг обернулась, вспомнив что-то важное.

— Вы же помните, что у вас сегодня запись к врачу?

— К какому ещё врачу?..

— По поводу ноги. Я вам ещё неделю назад в календарь ставила, вы сами просили, чтобы я напомнила. Приём как раз в обед.

У меня всё это совершенно вылетело из головы. Будто эта ноющая, тянущая, временами почти отнимающаяся нога была чем-то второстепенным, фоновым, чем можно пренебречь, пока вокруг рушится бизнес, жизнь и собственные иллюзии.

— Чёрт... — вырвалось у меня. — Совсем забыла.

Светочка понимающе кивнула.

— Я так и подумала. Вы сегодня... как будто не здесь.

— Может... Вообще отменим?

Я уже делала так. И не раз. Переносила, отменяла, находила сотню причин, почему «не сейчас». Работа, совещания, отчёты, срочные вопросы — всегда находилось что-то важнее моего собственного здоровья.

— Ну уж нет, — Света покачала головой. — Я уже три раза отменяла!

Она вышла, а я снова осталась одна. До обеда оставалось не так много времени. И я представила, как сажусь напротив врача, а он смотрит на снимки, хмурится, вздыхает и начинает говорить про возраст. Про то, что «это нормально для ваших лет». Про то, что организм уже не тот и, мол, чего вы хотели.

— Скажут ещё, что я старею и разваливаюсь на части... — пробурчала я, глядя в окно. — Или вообще операцию какую-нибудь назначат.

От одной этой мысли стало не по себе. Операция — это больничные, костыли, зависимость от чужой помощи, ещё большее выпадение из жизни. Я тяжело вздохнула и всё-таки потянулась к сумке.

Хуже сегодняшний день уже точно не станет. По крайней мере, я на это очень надеюсь...

Глава 11

Я вышла из больницы в таком состоянии, будто меня вытолкнули из реальности.

Я была уверена, что этот день уже исчерпал лимит на плохие новости. И, в принципе, была готова услышать от врача всё что угодно.

Но только не это.

— По всем обследованиям у вас нет органического поражения, — заявил врач. — Никакой серьёзной причины для такой боли мы не видим.

Я даже обрадовалась на секунду. А потом он продолжил:

— Скорее всего, это психосоматика.

Я переспросила. Не потому, что не поняла — потому что не поверила. Он не был шарлатаном или эзотериком. Уважаемый врач, который привык опираться на факты.

— Сильный стресс, длительное напряжение, непржитые эмоции, — перечислял он, глядя на меня. — Организм иногда выбирает самый простой способ сигналить. Через боль.

Я сидела и думала: вы это сейчас серьёзно? Я что, так сильно страдаю по бывшему муженьку, что у меня отнимается нога?

— Но она же реально болит! Я иногда на неё наступить не могу!

Он кивнул.

— Я и не сомневаюсь. Боль реальная. Просто причина не там, где вы её ищете.

— Нет, вы хотите сказать, что я себе это придумала? — спросила я раздражённо.

Он вздохнул устало — как человек, который слышит этот вопрос десятый раз за день.

— Нет. Я хочу сказать, что подобное сплошь и рядом. Неврологические боли без видимой причины. Организм так реагирует на перегрузку. На хронический стресс. Вам просто нужно снизить уровень напряжения. Больше отдыхать. Добавить в жизнь положительные эмоции...

Я усмехнулась. Как будто положительные эмоции можно заказать с доставкой на дом!

— А что делать, если в жизни сейчас... не очень с положительными эмоциями? — спросила я.

— Тогда стоит обратиться к психотерапевту, — заявил врач безжалостно. — Я выпишу вам направление...

Мне было до жути обидно, что меня только что записали в разряд каких-то... психичек. Я ожидала услышать, что со мной что-то не так физически. Но оказалось — со мной что-то не так полностью и целиком.

И вот теперь, стоя на улице, я снова и снова прокручивала этот разговор, чувствуя, как злость сменяется бессилием. Мне хотелось, чтобы врач сказал: вот таблетка, вот укол, вот операция — и всё пройдёт. А мне вместо этого предложили... радоваться.

Я горько усмехнулась.

А что, если он прав? Если всё, что со мной происходило, просто накопилось и вылезло вот таким способом — хромотой, болью, невозможностью нормально ходить? Тело выдало меня с потрохами: смотрите все, она не справляется!

Я пришла сюда пешком, потому что больница находилась недалеко от работы, и мне хотелось вернуться таким же способом, чтобы проветрить голову. Но сейчас я сделала несколько шагов — и поняла, что дальше не смогу.

И тогда я развернулась и медленно, прихрамывая, направилась к остановке трамваев.

Я долго стояла там, уставившись в пространство перед собой, и думала обо всём сразу и ни о чём конкретно. Бумажка из больницы всё ещё была зажата в пальцах, и я мяла её, разглаживала, снова мяла. Мысли текли вяло, тяжело, как подтаявший снег под ногами.

Я не заметила, как прошло минут двадцать. Может, больше. Трамвая всё не было. Я начала мёрзнуть.

В этот момент рядом со мной притормозил огромный чёрный «крузак», несколько неуместный на этой облезлой трамвайной остановке.

— Лариса Викторовна...

Я вздрогнула. Из машины выглянул Тимур.

— Тут авария, — сказал он, кивнув куда-то в сторону. — Провода снегом сорвало. Трамваев сегодня не будет. Можете не ждать.

Я несколько секунд просто смотрела на него, переваривая информацию. Потом молча кивнула. Ни «спасибо», ни «понятно» — вообще ничего. Развернулась и медленно пошла вдоль дороги, стараясь не хромать.

Но он не собирался оставлять меня в покое. Машина тронулась и поравнялась со мной. Он ехал рядом, почти шаг в шаг, как будто сопровождал.

— Садитесь, — сказал он через открытое окно. — Я вас подвезу.

Я продолжала упрямо идти, глядя прямо перед собой.

— Не надо, — наконец отозвалась я сухо. — Я сама дойду.

— Вообще-то, Лариса, у меня к вам есть один очень серьёзный разговор. И будет лучше, чтобы он прошёл вне стен комбината.

Глава 12

Я усмехнулась.

— Почему это лучше вне стен комбината? Дайте угадаю... Чтобы я не могла вызвать охрану и выставить вас за дверь?

— Нет, потому что эта тема строго конфиденциальная... И очень личная.

Я остановилась, потому что нога снова напомнила о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.